

«Утверждаю»

ВРИО Директора ИДВ РАН

д.и.н. С.Г. Лузянин

«18» «01» 2016 года

ОТЗЫВ

ведущей организации ФГБУН Института Дальнего Востока РАН на рукопись диссертации Перминовой Веры Александровны «Тайвань – «образцовая» колония Японии (1895-1945 гг.): особенности социально-экономических преобразований», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук в Диссертационный совет Д 002.030.02 при ФГБУН Институт Африки РАН по специальности 07.00.15. – История международных отношений и внешней политики

Выбор темы исследования диссертантом является очень удачным по ряду причин. Они достаточно убедительно изложены автором рукописи. Хотелось бы лишь немного усилить значение проделанной работы. Нельзя не признать в целом отсутствия в историографии к настоящему времени системного понимания трансформации тайваньского общества и особенностей колониальной политики Японии в период пребывания Тайваня в качестве японской колонии. Отметим также, что в современной научной литературе в значительной степени сохраняется приверженность ряда исследователей к прежним одномерным подходам при изучении тематики, связанной с идеями колониализма.

В целом, автору удалось не только тщательно исследовать экономическую политику Японии в своих колониях на Тайване, в Корее и на оккупированных территориях Маньчжурии (это направление представляется изученным диссертантом наиболее тщательно) и выявить ее специфику, но представить, хотя и не столь подробно, историческое развитие острова – до превращения его в колонию Японии, что, несомненно, помогает понять сущность трансформации всей системы отношений Тайваня и Японии. Мимо автора не прошли крупные, действовавшие на дальнейшую судьбу Тайваня периоды и события, прежде всего, предшествовавшие присоединению острова к китайской империи: зависимость Тайваня от Голландии и полное неприятие Тайванем голландской оккупации. Особое внимание привлекает отмеченное в работе, возможно, не очень четко, отторжение населением Тайваня иноземного владычества как такового: известное восстание населения острова против Голландии в 1662 г., в руках которой оказались все ключевые позиции японо-китайской торговли, более чем двадцатилетняя

борьба военно-феодалного режима на Тайване с маньчжурской властью, закончившаяся присоединением Тайваня к цинской империи и т.д.

Как в ходе обозначенных событий, так и во время японо-китайской войны 1894-1895 гг., в результате которой по Симонсекскому договору от 17 апреля 1895 г. Тайвань и острова Пэнхуледао отошли Японии, проявились и некоторые другие особенности взаимодействия населения Тайваня с захватчиками. Невиданная и хорошо известная по исторической литературе жестокость японцев в войне с китайцами (к этому времени количество китайцев на Тайване во много раз превосходило численность аборигенов (дикие горцы) имела своим следствием рост ненависти населения острова к агрессору, что можно, как нам представляется, также назвать специфической чертой и результатом колониальной политики Японии на Тайване.

В годы японо-китайской войны и позднее, как выявил диссертант, захватчик в качестве одной из основных форм борьбы использовал карательные экспедиции, направляя их на уничтожение партизанского движения и стремясь подорвать широкий антияпонский фронт борьбы, формировавшийся из различных слоев населения Тайваня. Эти события наводят на мысль о преемственности жестоких форм борьбы Японии с китайцами, которые широко известны по японо-китайской войне 1937-1945 гг. и в целом в период Второй мировой войны.

И хотя время масштабных колониальных захватов давно прошло, наследие колониализма присутствует в той или иной форме и в современной международной жизни, хотя и в иных форматах. Актуальность темы еще более увеличилась на этапе господства геополитики как основной тенденции в развитии международных отношений. Япония – один из крупных внешнеполитических игроков, наращивающих свою мощь. Подобно Соединенным Штатам Америки, прикрывающей свою агрессию идеями демократизации и прав человека, Япония давно вынашивала и вынашивает идею создания Сферы процветания Восточной Азии, за которой, как показала история, скрываются агрессивные планы и стремление к мировому военно-политическому и экономическому господству. Сущность подобной политики сближается с некоторыми теориями и практикой колониализма прошлого века. Совершенно очевидно, что при отсутствии глубоких знаний о Тайване и колониальной политике Японии в отношении Тайваня в 1895-1945 гг., Маньчжурии и Кореи не легко понять суть трансформации Японии в системе международных отношений на Востоке, Юго-Востоке и в мире, в том числе, определить реалии при решении и обсуждении проблемы возможности воссоединения Тайваня с континентальным Китаем, а по мнению некоторых исследователей, с Японией, и т. д.

На общем историческом и политическом фоне развития Тайваня и политики Японии в отношении острова в период 1945-1995 гг. диссертант, в целом объективно характеризуя приверженность Японии в своей политике к старому колониализму, однако, опираясь на новые источники и литературу, обращает внимание на те коррективы в японской колониальной политике тех лет, которые, как она считает, дают основание называть Тайвань «образцовой» колонией.

Структура работы вполне логична, отражает содержание источников и поставленные диссертантом проблемы. Она состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы и десяти приложений.

Введение соответствует всем правилам написания диссертации (сформулированы цели и задачи, выявлена актуальность темы исследования и т.д.). Во введение включен анализ источников и литературы на русском, китайском, английском и западных языках, выполненный автором на высоком профессиональном уровне. Одна из заслуг диссертанта - привлечение широкого круга источников, в том числе неопубликованных, содержащихся в ИВР РАН (Институт восточных рукописей РАН), АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи) и РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Из научной литературы наиболее высокая оценка дана исследованиям тайваньских авторов. Тщательное изучение источниковедения и историографии проблемы свидетельствует о глубоком погружении автора в исторические реалии, и при дальнейшей работе над книгой диссертант имеет все основания для выделения данного направления в отдельную главу.

Первая и вторая главы, посвященные месту и роли Тайваня в глобальной системе колониализма и особенностям колониальной политики метрополии, потребовала от автора по сути расширения границ исследования и более углубленного анализа колониализма в целом, а колониализма на Востоке, в особенности. Автор рассматривает ряд подходов к анализу особенностей колониализма восточных и западных стран, их отличие по ряду параметров, выявляет в историографии направления, определяющие колониализм как резко отрицательное явление, исключающее минимум положительных последствий для объектов колониальной политики метрополии, а также направления, выделяющие и положительные стороны политики метрополии, направленные в некоторой степени на развитие модернизации в странах «периферии» (зависимой страны). В традиционном духе колониальная идея характеризуется автором как экспансионистская, а целями экспансии выдвигается желание Японии ликвидировать проблему недостатка ресурсов и обеспечение доступа к сырьевым ресурсам колонии для развития промышленности метрополии. Добавим факт наличия у Японии плана превращения Тайваня в военно-

стратегическую базу. В итоге – стремление к полноправному членству в среде ведущих колониальных держав. На фоне традиционного объяснения причин колониальной агрессии диссертант приводит редко упоминающийся в российской литературе фактор опасения Японии вторжению в Восточную Азию западных держав. Этот момент представлен в работе как бы оправданием политики Японии к насильственному объединению стран Востока перед лицом «белой агрессии». Проблема идеологического обоснования колониальной политики Японии занимает в рукописи диссертанта значительное место. Как отмечается автором, в годы японо-китайской войны 1937-1945 идея организации сферы сопроцветания Восточной Азии, базирующейся на идеях паназиатизма, была положена в основу внешнеполитической концепции Японии. Весьма примечательно, что она активно использовалась японским генералитетом в его стремлении заставить капитулировать Китайскую Республику перед японским агрессором в 1930-х – начале 1940-х гг. Таким образом, что касается идейного обоснования колониальных захватов со стороны Японии, оно имеет свою специфику, однако вряд ли можно найти принципиальное отличие в этой важной сфере от идеологии колониализма западных стран и США. Скорее отличительную особенность колониализма Японии относительно Тайваня, Кореи и оккупированных территорий Маньчжурии можно видеть в особой роли военной силы и полицейских методов на вышеуказанных территориях, что имеет ряд причин. По мнению автора, основную причину он видит в том, что местным населением японцы не воспринимались более культурной расой, чем население колонии, поэтому управление метрополии и колониальные власти вынуждены были во избежание беспорядков ужесточать контроль и его методы. Однако, как мы считаем, не следует забывать о жестокости японцев и неприятии различных форм угнетения местным населением. Этот вопрос, как нам представляется, можно отнести к дискуссионным и нуждающимся в более тщательном изучении.

Говоря об особенностях колониальной политики Японии в сравнении с западной колонизацией, автор обращает внимание на интересную проблему и практику массовой миграции населения из метрополии на подконтрольные территории и японизацию (культурная ассимиляция) местного населения. Надо сказать, что эти важнейшие черты японского колониального управления мало известны читателю. Как следует из рукописи диссертации, они свидетельствуют больше о желании колониального управления, поскольку не нашли поддержки у населения. Более того, подобная политика Японии усилила внутренний протест различных слоев жителей острова. Из истории мы знаем, насколько тяжело переживает население массовые переселения, тем более в условиях войны. Ситуация с насильственной миграцией населения напоминает маниакальную

идею Гитлера о заселении России немцами. Что касается проблемы ассимиляции, проводившейся насильственным путем, то она лишь усилила народную ненависть к Японии. Оба этих направления, как доказано в работе, не получили развития в практике.

Наиболее адекватным направлением японской модели колониального освоения выглядит в изложении автора план всеобъемлющей экономической интеграции Японии и ее подконтрольных территорий. Именно к действиям японцев в этой сфере наиболее приемлемо обозначение колониальной политики как «образцовой». Активному экономическому развитию экономики острова в течение 1910-20-х гг. предшествовали мероприятия японцев по его завоеванию и подчинению населения колониальным властям и, что наиболее важно для экономического развития – созданию системы самофинансирования Тайваня. Большой товароборот Тайваня и Японии был результатом осуществляемой властями концентрации и оптимизации ресурсов острова, что в целом соответствовало классической колониальной модели. В работе подчеркивается, что самофинансирование острова стало возможным только с помощью метрополии, которая, получая прибыли из эксплуатации сырьевых ресурсов, одновременно датировала Тайвань для достижения его финансовой независимости. Такая взаимодополняемость являлась стимулом экономической интеграции и развития метрополии и подконтрольной территории. Как показано в работе, в 30-е годы японский капитал инвестируется вне Японии, а тайваньская продукция выходит на международные рынки и начинается индустриализация Тайваня. С 1937-1945 гг. ситуация в Китае и Японии меняется, и Тайвань переходит на рельсы материального обеспечения военных действий Японии в Азии.

В рукописи диссертации подобно рассматривается развитие сельского хозяйства (сахарный тростник и рис), развивавшегося на острове еще до начала японской агрессии, сахарной промышленности, а также пяти отраслей, на которые вводилась госмонополия (производство соли, камфары, опиума, табака, алкоголя). Не останавливаясь подробно на этих направлениях, отметим стабильное развитие сахарной промышленности – основной отрасли в экономике Тайваня, развитие пищевых отраслей в годы японо-китайской войны, незначительное развитие металлургической и горнорудной промышленности, связанное как с отсутствием больших запасов полезных ископаемых, так и с более высокими темпами стимулирования сельского хозяйства и пищевой промышленности.

Из работы следует, что «образцовый» характер колониальной политики Японии на Тайване в значительной степени определялся тем фактом, что власти метрополии и «периферии» нашли золотую середину взаимоотношений в сфере экономики. Согласно тайваньской модели, предусматривалось не только извлечение огромных прибылей из

колонии, но и осуществлялась планомерная политика возвращения части средств в экономику Тайваня, которые использовались для модернизации сельского хозяйства и промышленности. Имели место инвестирование средств в инфраструктуру острова, градостроительство и создание новых видов индустрии. Выводы автора о достижении стабильности в экономике Тайваня и получения более высоких показателей в экономике и финансах по сравнению с Кореей и Маньчжоу-го, сделанные на основе данных статистики и различного рода других источников, выглядят весьма убедительными.

Автор пытается рассматривать японскую политику на Тайване всесторонне. Положительные ее оценки переплетаются с критическими положениями, порою, весьма существенными. Автор приходит к объективному выводу о том, что построение японской модели колониального управления, состоявшей в достижении интеграции метрополии и колонии «экономически, культурно и политически», в целом осуществить не удалось. Юридически и политически Тайвань оставался обособленной территорией, на которой действовали свои законы. Осуществление силовой ассимиляции населения приводило к восстаниям, а культурное взаимодействие японцев и тайваньцев превратилось в японизацию тайваньцев. Не решены были задачи социальной политики и законодательного регулирования. Думается, что основные характеристики колониальной политики Японии на Тайване мы представили и достаточно высоко оценили новаторскую работу диссертанта.

К некоторым замечаниям, вернее, собственным умозаключениям, которые мы вносили по мере написания отзыва, целесообразно внести еще некоторые коррективы, которые, не снижая научного уровня рукописи диссертации, возможно, можно будет использовать диссертантом впоследствии. В работе отмечается, что одним из доказательств «образцовости» Тайваня как колонии Японии, является продолжение использования Японией применявшихся на Тайване экономических и финансовых приемов и методов в поствоенный период, когда руководство Гоминьдана и остатки вооруженных подразделений НРА прибыли на Тайвань. Не снижая успехов в экономической интеграции острова с метрополией, следует иметь в виду резко изменившуюся ситуацию в послевоенное время. Другого партнера, кроме Японии, Тайвань по сути и не имел в те годы (США в своей экономической политике в континентальном Китае все больше сползали к выработке отношения к КР как к полукolonии), характеризовавшиеся развалом экономики в КР, ростом инфляции и коррупции, ведущейся со второй половины 40-х гг. гражданской войной между Гоминьданом и КПК, голодом и разрухой. Было очевидным, что Чан Кайши и руководству КР было не до экономики Тайваня, поскольку шла яростная борьба за власть

между КПК и демократическими объединениями, с одной стороны, и Гоминьданом и остатками его армии, с другой.

Обратим также внимание на название работы, которое, как нам представляется, не вполне точно отражает содержание. Как следует из рукописи, успехи Японии в проведении политики относительно Тайваня четко проявились только в одном направлении – в экономике, что не может подменять весь комплекс колониальной политики. Да и сам автор не раз упоминал об этом факте. К тому же, нельзя забывать, какой ценой давалась «периферии» эта «образцовость». Вся история взаимоотношений метрополии и колонии состоит из народных восстаний, бесконечных войн местного населения с военными силами метрополии. Поэтому, понятие «образцовость», поскольку оно применимо лишь к части деятельности Японии как колонизатора, разумнее заменить понятием – особенности колониальной политики Японии. Все же главное в колониализме не колониальные методы (они могут быть разными), а идея унижения, угнетения и эксплуатация населения, присущая колониализму всех мастей и разновидностей.

И последнее пожелание автору – это проработать в будущей книге, написанной на основе диссертации, текст об источниках и историографии данной темы с тем, чтобы удалить из раздела Источники часть научных исследований, по-видимому, случайно попавших в этот раздел.

Автору удалось ввести целый комплекс новых источников и научной литературы зарубежных авторов по теме исследования, выделить особенности колониальной политики Японии на Тайване, в Корее и на оккупированных территориях Маньчжурии. Диссертанту в значительной степени удалось ввести новые знания о колониальной политике Японии и ее особенностях, пересмотреть некоторые оценки роли колониализма и его влияния на постколониальное развитие региона. Колониальная политика Японии получила в работе системное освещение. Внутренние и внешние проблемы Тайваня представлены в новом свете. В целом, работа может быть использована при подготовке и написании специальных и обобщающих исследований по всеобщей истории, истории международных отношений и внешней политики, в подготовке лекций и учебно-методических пособий.

Рукопись диссертации соответствует требованиям пункта 7 «Положения о порядке присуждения ученых степеней».

Автореферат диссертации отражает основное содержание и выводы, к которым пришел диссертант. Оформление диссертационной работы соответствует предъявляемым требованиям. Автор достоин присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.15. – История международных отношений и внешней политики.

Отзыв подготовлен г.н.с., рук. Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, д.и.н. Н.Л. Мамаевой.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН 11 января 2016 г.

Автор отзыва, рук. Центра новейшей истории Китая
и его отношений с Россией, д.и.н.

Н.Л. Мамаева.

Личную подпись сотрудника ИДВ РАН
Мамаевой Н.Л.
удостоверяю

П.Т. Милованова